

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Освобождение от уголовной ответственности»

Студент

И.Е. Юдакова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

П.А. Кабанов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

Заведующий кафедрой

_____

_____

« _____ »

20 _____ г.

Тольятти 2018

Аннотация

Тема выпускной квалификационной работы – Освобождение от уголовной ответственности.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современные задачи противостояния преступности предполагают универсальность и системность мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих преступления. Кризис традиционной уголовно-правовой концепции «преступление – ответственность – наказание», не позволившей предотвратить значительный рост преступности, обусловил поиск новых идей и подходов по внедрению в практику различных мер уголовно-правового воздействия на виновных в совершении преступлений, вплоть до освобождения от уголовной ответственности.

Цель исследования состоит в исследовании недостатков и пробелов российского законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности, а также разработке рекомендаций по совершенствованию норм законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности.

Задачи:

- рассмотреть историю возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности;
- рассмотреть сущность институтов освобождения от уголовной ответственности;
- дать характеристику общим основаниям освобождения от уголовной ответственности;
- дать характеристику специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности;
- провести анализ недостатков и пробелов российского законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности;

сформулировать рекомендации по совершенствованию норм законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при применении уголовно-правовых норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, законодательная регламентация этих отношений и пути повышения эффективности применения рассматриваемых норм.

Предмет исследования - нормы уголовного законодательства, устанавливающие основания и условия освобождения от уголовной ответственности.

Структура работы: введение, три главы, шесть параграфов, заключение и список используемых источников.

Содержание

Введение	5
1. Правовая природа института освобождения от уголовной ответственности	9
1.1 История возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности	9
1.2 Сущность института освобождения от уголовной ответственности.....	11
2. Основания освобождения от уголовной ответственности	22
2.1 Виды оснований освобождения от уголовной ответственности	22
2.2 Анализ практики применения оснований освобождения от уголовной ответственности	27
3. Проблемы применения и эффективности института освобождения от уголовной ответственности	35
3.1 Анализ недостатков и пробелов российского законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности	35
3.2 Рекомендации по совершенствованию норм законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности	41
Заключение	49
Список используемых источников.....	52
Приложения.....	55

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современные задачи противостояния преступности предполагают универсальность и системность мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих преступления. Кризис традиционной уголовно-правовой концепции «преступление – ответственность – наказание», не позволившей предотвратить значительный рост преступности, обусловил поиск новых идей и подходов по внедрению в практику различных мер уголовно-правового воздействия на виновных в совершении преступлений, вплоть до освобождения от уголовной ответственности.

История уголовного законодательства свидетельствует о постепенном закреплении в нем различных форм смягчения уголовно-правовых обременений. Если с начала XIX в. в уголовном законодательстве многих государств стало активно закрепляться условное освобождение от отбывания наказания, а во второй его половине – условное осуждение, то в XX столетии в него внедрялись различные виды освобождения от уголовной ответственности, а также другие альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Она одновременно показывает, что успешное противодействие преступности возможно лишь на основе применения, наряду с наказанием, различных мер восстановительного, ресоциализационного, предупредительного и реабилитационного характера.

В современном уголовном законодательстве заключены две концептуальные идеи – это обеспечение повышенной гарантии охраны безопасности человека, общества и государства от преступных посягательств и гуманизация мер уголовно-правового воздействия на виновных в совершении преступлений, правильное соотношение между которыми достигается на основе оптимальной дифференциации и индивидуализации этих мер с учетом принципов справедливости, гуманизма и экономии репрессии.

С одной стороны, чрезмерная строгость наказаний порождает в среде осужденных (а нередко и в обществе в целом) чувство несправедливости, озлобляет их

и тем самым может способствовать их отчуждению от ценностей общества, но с другой – необоснованно мягкие меры уголовно-правового реагирования на факты совершения преступлений объективно противоречат принципу неотвратимости уголовной ответственности и снижают социальную значимость уголовного закона в целом.

На необходимость дифференцированного применения уголовно-правовых мер указывается в Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах), принятых Генеральной Ассамблеей ООН 45/110 от 14 декабря 1990г. В них, в частности, государствам предписывается проявлять гибкость с учетом характера и степени тяжести правонарушения и личности правонарушителя, а также интересов общества и во избежание неоправданного тюремного заключения предусматривать широкий выбор как досудебных, так и послесудебных мер, не связанных с тюремным заключением.

Среди досудебных мер важное значение имеет освобождение от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, положительно характеризующихся и как правило встающих на путь исправления еще до реализации уголовной ответственности.

Конечно, уголовная ответственность продолжает оставаться основной формой реакции на преступление, виновные в совершении преступления, как правило, должны привлекаться к уголовной ответственности. И в то же время освобождение от нее при наличии соответствующих оснований и предпосылок также с неизбежностью следует из общей концепции современного уголовного права, базирующегося не только на формальной, но и реальной оценке степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе и его посткриминального поведения. Немаловажное значение при этом имеет и то, что не всегда представляются в достаточной мере выраженными признаки совершенного преступления, а также признанное в литературе мнение о необоснованном завышении карательных притязаний законодателя при формулировании санкций за некоторые преступления.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при применении уголовно-правовых норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, законодательная регламентация этих отношений и пути повышения эффективности применения рассматриваемых норм.

Предмет исследования - нормы уголовного законодательства, устанавливающие основания и условия освобождения от уголовной ответственности.

Цель исследования состоит в исследовании недостатков и пробелов российского законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности, а также разработке рекомендаций по совершенствованию норм законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть историю возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности;
- рассмотреть сущность институтов освобождения от уголовной ответственности;
- дать характеристику общим основаниям освобождения от уголовной ответственности;
- дать характеристику специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности;
- провести анализ недостатков и пробелов российского законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности;
- сформулировать рекомендации по совершенствованию норм законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности.

Методология и методика исследования. Методологической основой проведённого исследования стал диалектический метод познания социальных явлений и процессов, что дало возможность рассматривать их в тесной взаимосвязи и постоянном развитии.

Нормативно-правовая база исследования: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Теоретическая база исследования научные труды следующих авторов: Алексеева С.В., Багаутдинова Ф.Н., Баева О.Я., Борзенкова Г.Н., Брагина А.П., Булатова Б.Б., Верле Г., Вандышева В.В., Давыдовой М.Л., Есакова Г.А., Крыловой Н.Е. Серебренниковой А.В., Жалинского А.Э., Кочои С.М., Ревина В.П., Стойко Н.Г., Шагинян А.С., Дуюнова В.К. и др.

Практическая значимость исследования состоит в анализе пробелов законодательства РФ, регламентирующего основания освобождения от уголовной ответственности, с целью формирования рекомендаций по совершенствованию данных правовых норм.

1. Правовая природа института освобождения от уголовной ответственности

1.1. История возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности

В отечественном уголовном законодательстве с давних пор присутствовали нормы, предлагающие лицам, вставшим на преступный путь, добровольно прекратить преступные действия с обещанием освобождения их от наказания либо его существенного смягчения. «Уже в X в. важнейший законодательный памятник Древнерусского государства Русская Правда содержал отдельные нормы, указывающие на возможность освобождения от наказания в связи с раскаянием»¹.

В 1715 г. был издан Артикул воинский. Хотя основными целями наказания являлись устрашение и возмездие, все-таки в отдельных случаях учитывалось раскаяние виновного. Так, в Артикуле 96 говорилось: «Ежели кто после своего побегу, раскаясь на дороге сам возвратится и добровольно у своего офицера явиться, оный живота лишен не имеет быть, однако ради его имевшего злого замыслу по состоянию времен и по рассмотрению шпицрутенами или иным каким наказанием наказать подобает».

Дальнейшее развитие института освобождения от уголовной ответственности начинается в советский период (с 1917 г.). «Освобождение от уголовной ответственности эффективно использовалось уже в первых декретах советской власти для борьбы с такими опасными преступлениями, как взяточничество, дезертирство, незаконное обладание оружием. Статья 6 Декрета 1918 г. «О взяточничестве» предусматривала возможность освобождения от уголовной ответственности тех лиц, которые заявили судебным властям о даче ими взятки. Однако от преследования за дачу взятки должностному лицу освобождались лишь такие взяткода-

---

¹Брагин А.П. Российское уголовное право. – М.: Университетская книга, 2015. – С. 110.

тели, которые добровольно сделали подобное заявление в течение трех месяцев со дня издания Декрета».

В дальнейшем данное правило не ограничивалось каким-либо сроком действия. В ст. 4 Декрета СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О борьбе с взяточничеством» было установлено, что «лицо, давшее взятку, не наказывается, если оно своевременно заявит о вымогательстве взятки или окажет содействие раскрытию дела о взяточничестве»².

УК РСФСР 1926 г. в ст. 8 закрепил такой вид освобождения от уголовной ответственности, как «в связи с изменением обстановки». Поскольку закон указывал на возможность утраты общественной опасности деяния не только к моменту рассмотрения дела в суде, но и к моменту расследования, то, собственно, было расширено число органов, которые могли применять эту норму. На практике она применялась как судом (путем вынесения обвинительного приговора без назначения наказания), так и органами предварительного следствия³.

Впоследствии были внесены изменения и дополнения в УК РСФСР, и общее количество видов освобождения увеличилось: терроризм (ст. 213.3), организация или участие в незаконных вооруженных формированиях (ст. 77.2), незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ (ст. 218), незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или сбыт наркотических средств (ст. 224).

Основной этап развития института освобождения от уголовной ответственности связан с принятием УК РФ 1996 г.⁴

Таким образом, подводя итоги краткого исторического экскурса, отметим, что в отечественном уголовном законодательстве институт освобождения от уголовной ответственности наиболее ярко выражен и, соответственно, получил наибольшую регламентацию в действующем Уголовном кодексе РФ, принятом в 1996 г.

---

²Российское уголовное право. Общая часть / Отв. ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 144.

³Российское уголовное право. Общая часть / Отв. ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 144.

⁴Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - N 25. - ст. 2954.

1.2 Сущность института освобождения от уголовной ответственности

В литературе справедливо отмечается, что история развития человечества – это в известном смысле история развития человеческой свободы. Свобода – базовый элемент, лежащий в числе прочих в основе всех остальных благ человека. В буквальном смысле освобождение лица от чего-либо означает сделать его свободным от определенного напряжения, гнета, а в области уголовного права оно предполагает снятие с него ограничений, наложенных ранее или предполагаемых в будущем. Исследование института освобождения от уголовной ответственности предполагает определенность в вопросах о сущности самой уголовной ответственности (в том числе и как социальной разновидности ответственности), ее содержании, основаниях, формах и пределах.

Универсальная категория ответственности в различных своих аспектах изучается рядом научных отраслей: философией, социологией, психологией, социальной психологией, криминологией, уголовным правом и др. Феномен ответственности в плане философии представляет собой один из аспектов проблемы свободы, он сформулирован специалистами в числе ее фундаментальных вопросов – о соотношении свободы и необходимости. Одна из составляющих данной проблемы – ответственность, потому и была постоянным предметом научных дискуссий в истории человечества. Еще Гегель писал о диалектике соотношения между необходимостью и свободой, которая обнаруживает себя через человеческие поступки. Именно в поступке заключено единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного. Во внутреннем проявляется внешнее, во внешнем – внутреннее, вне этого единства они не существуют. Связь внутреннего и внешнего в поступках человека Гегель кладет в основу своего понимания ответственности. В настоящее время такой подход считается общепринятым.

Следует отметить, что в последние годы некоторые авторы нередко абстрагируются от важных законов философии в степени большей, чем это оказывается оптимальным, что не лучшим образом отражается на результатах исследований. В частности, замечалось отсутствие должного внимания к закону единства и борьбы

противоположностей, утверждающему парность любых научных категорий и явлений бытия, наличие противовеса у любого жизненного явления, будь то явление природное или социальное, уголовно-правовой институт или научная концепция. Относится это и к дискуссии о позитивной уголовной ответственности. На наш взгляд, юридические конструкции, построенные на том, что уголовная ответственность по своей природе только негативна, т.е. отрицании противоположной ей – позитивной уголовной ответственности – недостаточно продуктивны, этот подход в значительной мере снижает возможность эффективного применения всего потенциала, который изначально заложен в данном институте⁵.

Бесспорно, уголовная ответственность – вид ответственности юридической, последняя же, в свою очередь, является специфической разновидностью социальной ответственности. В литературе верно отмечается, что юридическая ответственность как форма ответственности социальной «сообщает» последней определенные специфические свойства. Поскольку важнейшая закономерность права – соответствие правовой формы содержанию регулируемых общественных отношений, юридическая ответственность по содержанию и структуре должна соответствовать социальной ответственности. А это означает, что коль скоро социальная ответственность выступает в единстве позитивной и ретроспективной сторон, те же самые стороны должны выделяться в ее юридической форме. Основную критику в этой дискуссии, по справедливому замечанию В.В. Похмелкина, принимает на себя философия, в рамках которой в едином понятии социальной ответственности проявляются ее позитивный и негативный аспекты, что полностью соответствует закону единства и борьбы противоположностей.

Если признавать, что юридическая ответственность – форма (разновидность) ответственности социальной, если в философском и социальном планах ответственность имеет и позитивный аспект (адресованные социальному субъекту предписания (общественные требования), а также принятие их на уровне индивидов, поддержка и соблюдение), и, самое главное – то, что эти предписания находят затем свое выражение в нормах юридических, вывод становится очевидным.

---

⁵Кочои С.М. Уголовная право. Общая и особенные части. – М.:Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2011. – С. 91.

«Понятием ответственности в позитивном значении обычно оперируют этика, мораль», – подчеркивает А.В. Наумов. Следует признать, затянувшаяся дискуссия по данному вопросу связана с тем, что позиция противников позитивной уголовной ответственности аргументируется весьма основательно. Юридический факт – совершенное преступление – вызывает к жизни уголовно- правовое последствие, соответствующее правоотношение возникает с момента совершения преступления, уголовно-правовая регламентация ретроспективного плана и содержит только нормы об ответственности за уже совершенное деяние. Позитивный аспект подразумевается в поведении людей, прямых предписаний позитивного плана уголовный закон не содержит. Содержание мер воздействия, предусмотренных законом в качестве различных форм реализации уголовной ответственности, также исключительно негативного плана. Уходя корнями в социологию и философию ответственность в позитивном ее значении, таким образом, присутствует в уголовном праве в несколько специфической форме.

Согласно установлениям классической школы уголовного права, за каждым преступлением неотвратимо должно следовать наказание. В настоящее время в связи с развитием различных уголовно-правовых мер помимо наказания данную дихотомию все чаще формулируют не классически: как «преступление – наказание», а связкой категорий «преступление – уголовная ответственность».

Эволюционировавшее параллельно классическому уголовно-правовое направление, получившее название социологической школы уголовного права, базировалось на иной фундаментальной идее: любые законодательные правоустановления имеют социальные предпосылки, поэтому, исследуя нормы и институты права, их следует рассматривать сквозь призму общественных условий бытия и развития. И законодатель связан с социальными предпосылками, принимая те или иные нормы закона, и личность в своей деятельности (в том числе при совершении преступлений) связана с условиями социальной среды – среды, в которой она формировалась, микросреды, в которой личность функционирует (ее установки, ценностные ориентации, психология, особенности), социальной среды и обстоя-

тельств, в которых возник уголовно-правовой конфликт и совершено преступление и пр.

Рассматривать эти школы как противоположные, конкурирующие между собой – не самый оптимальный подход, хотя, как правило, наиболее распространенный. Между тем недостаточно внимания уделяется в литературе другой стороне – их взаимосвязи и взаимообусловленности. В крайнем проявлении ни та, ни другая не могут быть максимально эффективными, более удачным следует признать позицию, предполагающую поиск оптимального баланса между основными положениями названных школ. «Современное уголовное законодательство не может быть построено на идеях какой-либо одной школы, – пишет А.В. Наумов, – и если оно претендует на научность и современность, значит практически обречено на то, чтобы синтезировать в себе лучшие идеи классического и социологического направлений в уголовном праве с учетом их современных модификаций».

При всей незыблемости классических положений очевидно, что лишь выявление социальных и правовых предпосылок, лежащих в основе закрепления того или иного института в уголовном законе, поможет обнаружить искомые варианты наиболее оптимальной регламентации и, при правильном толковании, эффективно использовать его в практической сфере. Взятые в совокупности материально-правовые предпосылки института освобождения от уголовной ответственности, основания и условия освобождения демонстрируют его сущностные характеристики, позволяют определить социально-правовую природу, оптимизировать регламентацию и в конечном итоге отражаются на эффективности.

В обществах, при всем их историческом и ментальном разнообразии, наблюдаются одинаковые закономерности, каждая социальная система подчиняется одним и тем же естественным законам. Признано аксиомой, что общественный организм нуждается в сильных, активных, энергичных составляющих (социальных субъектах) – индивидах, социальных группах (структурах, институтах), а также в интенсивном, продуктивном их взаимодействии. Очевидно, что социальное целое представляет собой сложную систему и управление данной системой на осознаваемом и неосознаваемом уровнях ориентировано на укрепление соб-

ственной стабильности, устойчивости, благополучия и здоровья посредством наращивания этих качеств во всех элементах – индивидах, социальных группах и пр. Управление социальной системой во всех своих формах (в социологии они объединены общим термином «социальный контроль») содержит стимул, призыв к такому типу взаимодействия между субъектами, который предполагает взаимную поддержку и укрепление, наращивание, а не истощение ресурсов, потенциала, заложенного от природы. В любом случае социальному организму жизненно необходима позитивно направленная деятельность всех составляющих сил. Следовательно, функционирование не в позитивном плане, а негативном для общественного целого (как для единой системы) означает отход, отклонение от должного.

Борьба с отклоняющимся поведением – необходимая составляющая деятельности каждого общества, один из аспектов социального контроля.

В этом функциональном плане, с точки зрения данного автора, социальные нормы играют роль, аналогичную роли иммунной защитной системы в живой природе. Нормативное регулирование имманентно присуще обществу на всех этапах его развития. Оно обеспечивает необходимую направленность и согласованность действий социальных субъектов, при этом принятые и установленные в обществе социальные нормы находятся в определенной взаимосвязи, обладают противоречивым единством, образуют более или менее согласованную систему.

Государство, как и всякая социальная структура, способно действовать как в позитивном аспекте (создавать рабочие места, школы, больницы, брать на себя бремя социального обслуживания престарелых и немощных, принимать в таком же ключе ориентированные нормативно-правовые акты и т. п.), так и в негативном (например, создание и обеспечение функционирования системы УФСИН – деятельность негативного плана)⁶.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности призвано устранять внутренние противоречия, свойственные уголовному праву в целом. Реализация уголовной ответственности и освобождение от нее как парные категории

---

⁶ Алексеев С.В. Уголовное право. – М.: Феникс, 2014. – С. 51.

отражают философский закон единства и борьбы противоположностей, это диалектическое взаимодействие ее негативного и позитивного аспектов.

Хотя освобождение от уголовной ответственности включает в себе определенное отступление от классической дихотомии: преступление – наказание, оно оправдано стремлением государства предотвратить дальнейшую социальную деформацию личности виновного в преступлении, обеспечить его исправление на основе некарательного воздействия. Сущность, место и значение освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве предопределяются также материально-формальным подходом к тому, что признается преступлением, неформальной оценкой обстоятельств его совершения, а также личности виновного и в конечном итоге требованием целесообразности мер уголовно-правового воздействия.

Концептуальной основой освобождения от уголовной ответственности является необходимость с точки зрения задач уголовного законодательства и целей уголовно-правового воздействия устранения при выборе этих мер противоречия между формально-юридической и сущностной (материальной) оценками степени общественной опасности конкретного преступления и лица, его совершившего. Она, в свою очередь, базируется на более общей концепции, заключающейся в отказе законодателя от сугубо формально-юридического подхода к оценке преступления и личности виновного и определении степени общественной опасности преступления и личности виновного на основе материальных их свойств⁷.

Нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности, содержатся в главах 11, 13, 14 Общей части, а также в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Это довольно большой по объему и содержанию, и если такое выражение можно признать корректным, «сквозной» институт, пронизывающий уголовный закон.

В противоположность изложенному выше заключению о явной тенденции расширения оснований освобождения от уголовной ответственности и соответ-

---

⁷ Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. В. И. Шиян, В. Г. Гриб, И. С. Ильин. – М.: Маркет ДС, 2015. – С. 109.

ствующей практики, в уголовно-правовой литературе весьма устойчиво мнение, что такое освобождение должно расцениваться как исключение, а не правило, не обычная реакция государства на совершение преступления. Данный вывод базируется на общепризнанных классических идеях, предполагающих уголовную ответственность единственным закономерным последствием совершения преступления, естественной и логичной формой реакции государства. Законодательная регламентация всех уголовно-правовых предписаний в целом изложена именно в таком ключе – возложения на лицо, совершившее преступление, уголовной ответственности. Институт освобождения от уголовной ответственности содержит противоположные правовые последствия преступления, соответственно и обнаруживает определенную несогласованность с рядом норм и положений, а также принципов уголовного права. Данное обстоятельство косвенно подтверждает вывод о том, что освобождение от уголовной ответственности является скорее исключением, чем правилом.

В первую очередь специалисты отмечают его несоответствие конституционному положению о презумпции невиновности, а также то, что освобождение от уголовной ответственности нарушает принципы равенства граждан перед законом (одновременно означая отступление от рекомендаций Всеобщей декларации прав человека) и неотвратимости уголовной ответственности, снижает значимость преступления как деяния, обладающего повышенной общественной опасностью, и пр. К основным противоречиям, требующим рассмотрения, относятся: несоответствие освобождения от уголовной ответственности презумпции невиновности (авторы называют это скорее прямым противоречием, чем просто несоответствием, несогласованностью), принципам справедливости, вины, равенства и неотвратимости ответственности. Остальные моменты несогласованности носят как бы «опосредованный» характер, при разрешении указанных противоречий одновременно преодолевается несогласованность и с другими правоустановлениями (например, принципами законности, гуманизма и пр.).

В юридической иерархии приоритет имеют принципы, следовательно, в ситуациях, когда статья закона противоречит принципу, в соответствие должна быть

приведена именно она, а при невозможности их согласовать, она подлежит исключению из закона. Некоторые специалисты по сей день считают, что освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие преступления не должно быть предусмотрено законодательством в связи с невозможностью концептуально «примирить» его социально-правовую основу с конституционными и уголовно-правовыми принципами.

Судебное признание лица виновным в совершении преступления влечет для последнего существенные правоограничения, оно является основанием для ущемления лица в правах и свободах. Но в тех случаях, когда лицо освобождается от уголовной ответственности, оно становится свободным от любого рода правоограничений, которые имели бы место при реализации уголовной ответственности. Отпадает и необходимость действия в отношении данного лица презумпции невиновности – этого искусственного предположения, защищающего от необоснованных репрессивных правоограничений – лицо при освобождении от уголовной ответственности больше не подвергается риску применения правоограничений ни в материальном (уголовно-правовом) аспекте, ни в процессуальном. Следовательно, предусмотренные уголовным законом виды освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и их практическое применение не противоречат конституционному положению о презумпции невиновности. Эти искусственно возведенные гарантии, страхующие его от необоснованного ущемления в правах, сопровождают лицо, пока оно в них нуждается (пока в его отношении «включены» механизмы реализации уголовно-правового воздействия), и отпадают за ненадобностью, как только оно освобождается и исчерпывает себя необходимость в «страховке безопасности».

Как видно, для разрешения вопросов о соотношении института освобождения от уголовной ответственности с уголовно-правовыми принципами и другими краеугольными положениями УК и УПК РФ, правильным будет рассматривать не только особенности первого, но и подвергать критическому анализу сами принципы и отдельные правоустановления. Верно это и в отношении другого аспекта вышеизложенной проблемы, когда ведем речь о несоответствии отдельных мо-

ментов регламентации исследуемого института принципу равенства. В действующей редакции ст. ст. 75 и 76 УК РФ допускают возможность принятия различных решений в схожих ситуациях, при соотносимой характеристике общественной опасности содеянного и личности виновных. Несмотря на наличие всех предпосылок для освобождения лица по конкретному делу (явки с повинной, заглаживания вреда и др.), в конечном итоге будет оно освобождено или нет, зависит исключительно от усмотрения правоприменителя. В определенной мере виной тому диспозитивность предписаний закона, которая, как справедливо указывает Ю.В. Грачева, вполне соответствует природе этих норм, в связи с чем, собственно, их и не следует излагать в императивной форме. Право призвано регулировать общественные отношения и ориентировано на население, а не на правоприменителя, данный институт заключает в себе юридическую возможность для лица после совершения преступления изменить отношение к содеянному и совершить определенные действия, переводя в позитивное русло дальнейшее взаимодействие с государством и потерпевшим или остаться в той, негативной плоскости, предполагающей применение к нему мер репрессивного свойства.

Можно согласиться с тем, что в различных видах освобождения от уголовной ответственности в той или иной мере заключена в числе прочего и идея компромисса, предполагающая разрешение уголовно-правового конфликта оптимальным, мирным способом, обеспечение прав и интересов потерпевшего, устранение вредных последствий совершенного деяния, экономию репрессии, средств и времени правоохранительных органов.

Следует согласиться с мнением о том, что освобождение от уголовной ответственности – средство дифференциации ответственности в уголовном законе (в зависимости от степени общественной опасности лица дифференциация законодателем производится не только в сторону усиления строгости наказания, как, к примеру, отягчающими обстоятельствами или квалифицирующими признаками составов преступлений, но и в сторону смягчения уголовно-правовых санкций – смягчающие обстоятельства, назначение наказания более мягкого, чем предусмотрено законом, освобождение от уголовной ответственности).

Положения УК РФ, содержащие предписания об освобождении от уголовной ответственности, в правовом плане представляют собой единый уголовно-правовой институт, предусматривающий возможность или обязанность освободить лицо, совершившее преступление, от бремени неблагоприятных последствий, связанных с совершением преступления и входящих в содержание уголовной ответственности. При освобождении от уголовной ответственности государство, выводя меры за рамки «негативной» ответственности, в рамках этого же правоотношения продолжает воздействие на виновного. Воздействие в рамках правоотношения продолжается, но оно уже лишено карательного, репрессивного составляющего.

Освобождение от уголовной ответственности по УК РФ – это самостоятельная мера уголовно-правового воздействия, применяемая судом или органом предварительного расследования к лицу, совершившему преступление, при наличии оснований, установленных в законе, заключающаяся в отказе от реализации уголовной ответственности и одновременно порицании со стороны государства преступления и лица, его совершившего, выражающемся в самом процессе предварительного расследования, в судебном рассмотрении уголовного дела и в соответствующем правоприменительном акте, а при условном освобождении и в возможности реализации уголовной ответственности в случае несоблюдения виновным предусмотренных условий.

2. Основания освобождения от уголовной ответственности

2.1. Виды оснований освобождения от уголовной ответственности

Установление оснований освобождения от уголовной ответственности и правильное их научное формулирование, а также определение целей данного института служат важными предпосылками оптимальной регламентации и эффективности рассматриваемых положений закона, а свидетельством актуальности этих вопросов служит продолжающаяся весьма активная дискуссия. В уголовно-правовой литературе еще не предложено решения, с которым были бы согласны если не все, то хотя бы большинство специалистов, изучающих основания освобождения реабилитирующего характера. Цели же освобождения от уголовной ответственности не только не определены в законе, но и в теории они в должной мере не разработаны.

Виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные статьями 75, 76, 76.1, 76.1, 78, 84, 90 УК РФ, называются общими видами освобождения от уголовной ответственности.

УК допускает освобождение от уголовной ответственности в следующих случаях:

- в связи с деятельным раскаянием
- в связи с примирением с потерпевшим
- по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности
- в связи с назначением судебного штрафа
- в связи с истечением сроков давности
- в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК);
- в связи с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК)⁸.

---

⁸Есаков Г.А., Крылова Н.Е. Серебrenникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. – М.: Зерцало, 2015. – С. 76.

Положения исследуемого института содержат еще одну особенность, по которой виды освобождения можно классифицировать: некоторые из них имеют обязательный характер при наличии указанных в статье УК обстоятельств, в других случаях этот вопрос оставлен на усмотрение правоприменительного органа. Если первые можно назвать императивными, вторые будут дискреционными.

Из этого же вытекает следующее различие – освобождение может быть связано с последующим посткриминальным поведением виновного (например, освобождение в связи с примирением с потерпевшим), а может и не учитывать его (например, освобождение в связи с истечением сроков давности). При этом в целом поведение виновного может учитываться (например, объявленная амнистия может не распространяться на злостных нарушителей режима в исправительном учреждении).

Существенно то, что в одном случае закон принимает во внимание позитивное поведение, выразившееся в определенных действиях к совершенному деянию (заглаживание вреда, явка с повинной и активная помощь органу следствия в раскрытии и расследовании преступления – в установлении и закреплении доказательств и пр.), в другом же – учитывается просто позитивное поведение безотносительно к совершенному преступлению (или совсем не учитывается).

Эти же обстоятельства выводят и на другой критерий деления на виды: объективные и субъективные, в зависимости от отношения лица к содеянному. Так, в ст. 75 УК РФ предусмотрено субъективное основание освобождения, учитывающее отношение к совершенному преступлению, сожаление, раскаяние в содеянном. В отличие от него, в ст. 78 предусмотрено объективное основание – лицо освобождается независимо от того, как оно относится к совершенному преступлению.

Еще одна классификация возможна в зависимости от регламентации последствий освобождения – в основном освобождение не связано с какими-либо последствиями, не предусматривает учета поведения освобождаемого лица и возможности отмены принятого решения об освобождении – это безусловные виды освобождения, они окончательны с момента вынесения соответствующего поста-

новления. В то же время ст. 90 УК РФ предусматривает освобождение от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного воздействия. Согласно ч. 4 ст. 90 в случае систематического неисполнения несовершеннолетним назначенной принудительной меры воспитательного воздействия данная мера отменяется по представлению специализированного государственного органа, а материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Данный вид освобождения – единственный, который носит условный характер.

Таким образом, единым (общим) основанием освобождения является целесообразность применяемой меры уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление. Целесообразность ориентирована на выбор оптимального средства (меры) уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление с точки зрения достижения соответствующих целей, с учетом требований принципов справедливости, законности, гуманизма и экономии репрессии.

Вопрос о применении того или иного вида освобождения от уголовной ответственности нельзя рассматривать в плоскости их обязательности и диспозитивности. Он должен быть регламентирован с ориентиром на применение к виновному наиболее целесообразного средства, т.е. исходя из определенных законом целей. В УК РФ следует включить положение, согласно которому при совершении лицом преступления небольшой или средней тяжести уполномоченный орган (следователь, дознаватель) обязан обсудить вопрос о целесообразности применения альтернативной уголовной ответственности меры уголовно-правового воздействия, то есть освобождения от уголовной ответственности. В случае, если уполномоченный орган придет к выводу о невозможности достижения целей альтернативным воздействием на данное лицо, связанным с освобождением от уголовной ответственности, оно подлежит привлечению к уголовной ответственности.

Вопрос о достижении целей применяемой меры уголовно-правового воздействия относится к числу дискуссионных не в последнюю очередь из-за явной непоследовательности законодателя, предусмотревшего в УК только цели наказа-

ния и оставившего без внимания цели отдельных мер уголовно-правового характера и мер уголовно-правового воздействия, альтернативных уголовной ответственности. Отсутствие законодательной регламентации целей мер уголовно-правового воздействия негативно влияет на эффективность этих мер, ибо закон не содержит ориентира для правоприменителя при решении вопроса об избрании наиболее целесообразной меры уголовно-правового воздействия. Это же обстоятельство в определенной мере способно ограничивать само применение данных мер⁹.

Освобождение от уголовной ответственности имеет своими целями разрешение уголовно-правовых конфликтов на основе некарательных средств, восстановление социальной справедливости и специальную превенцию преступлений.

Различный социальный заряд обуславливает различие в основаниях и, в свою очередь, различие в содержании и законодательной регламентации конкретных видов освобождения от уголовной ответственности. Соответственно, виды освобождения, предусмотренные законом, отличаются и по основаниям применения, и по своему содержанию. Такова в УК РФ основная классификация – по степени зависимости основания освобождения от поведения лица после совершения преступления.

К числу видов освобождения от уголовной ответственности, которые регулируются в зависимости от посткриминального поведения лица, совершившего преступление, относятся освобождение в связи с деятельным раскаянием, в связи с примирением с потерпевшим, а также специальные виды освобождения от уголовной ответственности, включая освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. В литературе вопрос о соотношении этих видов остается дискуссионным длительное время. Кроме того, встречаются определенные разногласия при отграничении деятельного раскаяния от добровольного отказа от преступления, а также в дискуссии о реальном содержании отдельных видов освобождения.

---

⁹Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. В. И. Шиян, В. Г. Гриб, И. С. Ильин. – М.: Маркет ДС, 2015. – С. 109.

Специальные виды освобождения от уголовной ответственности – предмет отдельного исследования, поскольку дать исчерпывающую их характеристику и проанализировать все касающиеся их дискуссионные вопросы в рамках данной работы не представляется возможным.

Законодатель выразил свою волю в ч. 2 ст. 75 УК РФ, отнес их к деятельному раскаянию, и дальнейший ход рассуждений должен идти именно в таком ключе. Разумеется, само по себе мнение законодателя, изложенное в ч. 2 ст. 75 УК РФ, не превращает автоматически в деятельное раскаяние все виды освобождения, предусмотренные в примечаниях к статьям Особенной части. Чтобы уяснить, относится ли к институту деятельного раскаяния по своей юридической сущности какой-либо специальный вид освобождения, необходимо установить признаки последнего и основные определяющие критерии, согласно которым признается (или не признается) деятельным раскаянием та или иная «модель» поведения, а также «примерить» их (критерии) ко всем видам освобождения, предусмотренным в Особенной части. А законодателю необходимо привести в соответствие по установленным критериям все эти виды.

Речь в данном случае не о тех видах, которые по своей сущности не являются и могут являться деятельным раскаянием. К примеру, несмотря на встречающееся в литературе признание деятельным раскаянием действий, предусмотренных в примечаниях к ст. ст. 337 и 338 УК РФ, они к деятельному раскаянию отношения не имеют. Законодатель установил в примечаниях к указанным статьям лишь одно требование – стечение тяжелых обстоятельств, вследствие которых могли быть совершены эти преступления. Соответственно, нет нормативных оснований требовать позитивного посткриминального поведения для освобождения от уголовной ответственности по данным статьям. И нет оснований устанавливать признаки деятельного раскаяния в постпреступном поведении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. ст. 337 и 338 УК РФ, для их освобождения от уголовной ответственности согласно данным примечаниям.

В ст. 151 УК РФ законодатель также установил исключение действия нормы об уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение

антиобщественных действий – в тех случаях, когда родитель вовлекает несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства. Руководствуясь аналогичными соображениями, не включаем в число специальных видов деятельного раскаяния и норму, предусмотренную в примечании к ст. 122 УК РФ. Как верно подчеркивает А.В. Ендольцева: если потерпевший осведомлен о заболевании (ВИЧ-инфекции) и возможных последствиях, добровольно выбирает то или иное поведение, то к деятельному раскаянию, характеризующемуся определенными действиями после совершения преступления, эта ситуация отношения не имеет. В примечании к ст. 122 УК РФ законодатель не устанавливает никаких требований к постпреступному поведению лица для его освобождения от уголовной ответственности.

2.2 Анализ практики применения оснований освобождения от уголовной ответственности

Правовые последствия определенного законом позитивного поведения, свидетельствующие о деятельном раскаянии виновного, предусмотрены в ч. 1 ст. 61 (п. п. «и» и «к»)) в числе обстоятельств, смягчающих наказание. Из всех перечисленных в этой норме обстоятельств законодатель выделяет пункты «и» и «к», регламентируя в ч. 1 ст. 62 УК как бы отдельную «ступень» смягчения при наличии этих признаков – в большей степени, чем при других. Тем самым в массе смягчающих обстоятельств произведена дифференциация, связанная с деятельным раскаянием, сначала – смягчение в рамках санкции в целом, затем, согласно ст. 62 УК РФ, изменение верхней границы, но тоже в рамках санкции. В зависимости от проявленности деятельного раскаяния лица, его активности, то есть, соответственно, от степени снижения его общественной опасности после совершения преступления законом дифференцируется смягчение наказания, иных мер уголов-

но-правового характера, а при полной ее утрате, как предусмотрено в ст. 75 УК РФ, лицо может освободиться от уголовной ответственности.

По нашему мнению, правильный в целом такой подход законодателя требует более последовательной реализации, в частности, необходимо включить норму о деятельном раскаянии и в ст. 64 УК РФ в качестве основания назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено санкциями статей Особенной части, поскольку это – следующая ступень в градации (дифференциации) смягчения степени репрессивности при деятельном раскаянии. В действующей редакции ст. 64 УК РФ предусмотрены: учет целей и мотивов совершения преступления, роли виновного, его поведения во время или после совершения преступления и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления (едва ли это положение можно отнести к деятельному раскаянию, все-таки деятельное раскаяние всецело относится к личности, а не к деянию, а фраза «после совершения преступления...» носит достаточно общий характер), а активное содействие раскрытию преступления ограничивается групповыми формами совершения преступного деяния».

По замыслу законодателя освобождение от уголовной ответственности не может и не должно исчерпывать правовых последствий деятельного раскаяния, ибо это два самостоятельных института, они не совпадают по объему и содержанию, и ни один из них не является частью другого. В одной «узловой» точке – в ст. 75 УК РФ – изучаемые институты смыкаются, дополняя друг друга, образуют единую регламентацию этого уникального момента, но в целом в УК РФ они регулируют уголовно-правовые отношения в своих специфических, хотя, возможно, параллельных плоскостях. Похожее сочетание встречается в уголовном законе нередко, это одна из характерных особенностей законодательного конструирования УК. Так, совокупность норм, представляющих частные начала, можно выделить в качестве отдельного института (отдельный вопрос в том, насколько он проявлен, достаточно ли в УК РФ норм, выражающих частные начала). Как и в предыдущем примере, регламентируя правоотношения в своей специфической плоскости в УК РФ, в то же время и он смыкается в одной узловой «точке» с исследуемым в

настоящей работе институтом освобождения от уголовной ответственности (в ст. 76 УК РФ).

Амнистия – весьма объемное правовое явление, присущее не только уголовно- правовым отраслям (ст. 84 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, п. «д» ст. 172 УИК РФ). Возможность амнистии предусмотрена и в области административно- правовых отношений (п. 4 ст. 24.5 КоАП РФ), и в таможенном законодательстве (п. 7 ст. 29 ТК РФ). Известны и налоговые амнистии. Но в основном, как известно, амнистия реализуется в уголовно-правовой сфере.

В той «точке» правового регулирования, где закон содержит норму об освобождении от уголовной ответственности по амнистии, эти институты также пересекаются.

Подробное рассмотрение данного вопроса уводит внимание к изучению вопросов о структуре уголовного закона, о законодательной технике, что остается за рамками темы настоящей работы, более важно продолжить изучение уголовно-правового значения института деятельного раскаяния, его места в системе Общей части УК РФ. Это необходимо делать с учетом положений и выводов, изложенных в первой главе – о социально-правовых предпосылках и сущности рассматриваемых законоположений. Никем не оспаривается, что начальные предпосылки, причины и особенности уголовно-правовых норм покоятся в сфере социологии. Через эту призму и рассматривают, как правило, природу правовых институтов – для определения их задач и целей, правильной регламентации, повышения эффективности.

К характерным особенностям уголовно-правовой отрасли относятся ее обращенность в ретроспективу и регулирование общественных отношений исключительно в негативном аспекте (правовые последствия преступления в виде уголовной ответственности), в то же время она содержит и нормы, заключающиеся по сути в призыве к переводу правоотношения, возникшего в связи с совершением преступления, в иную плоскость, продолжение этих отношений между субъектами в позитивном ключе.

С этих позиций «блок» правоположений, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (остальные правовые последствия деятельного раскаяния, например, предусмотренные ст. ст. 61, 62 или 64, несколько иного плана), обнаруживает генетическое единство с регламентацией добровольного отказа – один и тот же социально-правовой заряд заложен в законодательных предписаниях об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и отказом от привлечения лица к уголовной ответственности в связи с добровольным отказом.

Единство их заключается в социальном содержании, отраженном в обоих институтах и обнаруживаемом при внимательном изучении. Закон содержит предписание не привлекать к уголовной ответственности лицо при добровольном отказе, уводит уголовное право как регулятор общественных отношений на второй план (вернее, на второй план отходит негативная составляющая уголовного закона). Мы ранее уже подчеркивали: для общества наиболее значимо, чтобы общественные отношения складывались в позитивном русле, наращивая, укрепляя, а не истощая потенциал, заложенный в них от природы. Такие отношения – залог стабильности общественного организма в целом. Соответственно, взаимодействие субъектов в позитивном ключе – принципиально важная задача, которая обеспечивается социальными нормами (в том числе правовыми). Социальные нормы, воплощением которых являются оба упомянутых уголовно-правовых института, ориентированы на стимуляцию позитивного поведения (различие лишь в этапах: в одном случае – в процессе совершения преступления, в другом – непосредственно после его совершения).

По социальной и юридической природе, а также по своим правовым последствиям деятельное раскаяние и добровольный отказ близки, но им присущ и целый ряд уголовно-правовых отличий. Добровольно отказаться от преступления можно только до окончания совершения преступления, а так же – в случаях, если состав данного преступления сформулирован в УК РФ по типу «материального» – тогда и при завершении преступных действий, но до наступления последствия, если лицо продолжает сохранять контроль над развитием событий и предотвраща-

ет наступление общественно-опасного последствия. Деятельное раскаяние возможно при оконченом преступлении или, если оно пресечено до окончания, после момента его пресечения.

А институт деятельного раскаяния, весьма емкий по содержанию, предусматривает разнообразные правовые последствия: оно может быть смягчающим обстоятельством (ст. ст. 61, 62 УК РФ), обстоятельством, влекущим применение к виновному более мягкого наказания или назначение наказания ниже низшего предела, установленного в санкции соответствующей статьи Особенной части (ст. 64 УК), и, наконец, может служить основанием освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 УК).

Важность раскаяния виновного в нарушении уголовно-правового запрета (совершенном деянии) нельзя недооценивать, и мы всецело присоединяемся к мнению авторов, подчеркивающих значимость этого аспекта деятельного раскаяния. Действительно, социально-нравственное, психологическое значение раскаяния едва ли возможно переоценить. Оно характеризуется внутренними переживаниями и чувством вины перед потерпевшим и обществом в целом, сожалением о содеянном, влечет полное признание вины и правдивые показания, активные действия по заглаживанию вреда, причиненного преступлением.

В то же время нельзя не признать правильными аргументы авторов, отстаивающих противоположную точку зрения – в соответствии с принятым в отечественном уголовном праве подходом, законодатель оставляет вне поля регулирования внутренний мир человека. Поэтому и для правоприменителя, решающего вопрос о возможности освобождения в каждом конкретном случае, так же как и для закона, несущественны социально-психологические установки лица, даже негативные, если они не выражены в поведении виновного, если же отношение к общественным ценностям проявилось в поступках, именно поведение и дает ключ для оценки его личности.

Определенную дискуссию может повлечь анализ примечаний к статьям, в которых законодатель предусмотрел требование о предотвращении наступления последствий от преступления. Так, в примечании к ст. 205 УК РФ говорится о

предотвращении террористического акта. В примечании к ст. 275 УК РФ – о предотвращении дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации. И здесь мы не считаем уместным вовлечение в дискуссию, поскольку эта формулировка не выводит к вопросу о разграничении деятельного раскаяния и добровольного отказа, а норма является специфичной в связи с особенностью самого деяния и, соответственно, отражения в законе его состава.

Так, И.А. Тарханов в отношении ст. 205 УК РФ верно указывает на то, что по своей конструкции это деяние окончено с момента создания угрозы, которая может быть устранена позитивными действиями виновного. Соответственно, речь идет о позитивных действиях при оконченом деянии. Что касается ст. 275 УК РФ, предотвращение дальнейшего ущерба предполагает необходимость прекращения преступной деятельности на любой стадии, что должно исключить нанесение вреда в полном объеме. И в этом случае действия по «предотвращению дальнейшего ущерба» совершаются при оконченом преступлении. Те же соображения, что И.А. Тарханов привел при анализе примечания к ст. 205 УК РФ, позволяют отнести к деятельному раскаянию примечание к ст. 205.1 УК РФ, а также и ряд других (напр., в примечании к ст. 210 УК РФ идет речь о способствовании раскрытию или пресечению этих преступлений).

Специальные виды освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предусмотрены в примечаниях к ст. ст. 126, 127.1, 178, 184, 198, 199, 200.1, 204, 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 212, 222, 222.1, 223, 228, 228.3, 275 (применимо и к ст. ст. 276, 278), 282.1, 282.2, 284.1, 291, 291.1, 307 и 322.2 УК РФ.

В уголовно-правовой литературе указывают, что ст. 75 УК РФ фактически предусматривает два самостоятельных вида освобождения от уголовной ответственности. Как пишет А.В. Бриллиантов, если основанием освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ служит нецелесообразность уголовной репрессии в связи с утратой лицом общественной опасности, то из смысла норм, регламентирующих специальные виды освобождения, следует вывод, что они предусматривают иные, «специальные» основания, причем в силу специфики

они различны и между собой. И цели этих видов освобождения, по мнению автора, другие, они заключаются в сохранении наиболее значимых объектов уголовно-правовой защиты (например, сохранение жизни и здоровья при освобождении заложника). Такого рода освобождение возможно и при непогашенной и неснятой судимости, а фактор утраты общественной опасности во внимание не принимается, хотя выполнение требуемых законом действий по деятельному раскаянию в определенной мере может свидетельствовать о снижении общественной опасности виновного.

Мы ранее указывали на общее основание всех видов освобождения от уголовной ответственности с социальной и уголовно-правовой позиций, которое заключается в нецелесообразности применения к лицу тех или иных мер уголовно-правового характера, вовлечения его в оборот уголовно-правовых механизмов. С социальных позиций требование к каждому виду освобождения – перевод поведения лица в позитивную плоскость. Уголовно-правовое основание – наличие в постпреступных действиях лица совокупности признаков, предусмотренных уголовно-правовой нормой, влекущих целесообразность принимаемого решения. С учетом специфики рассматриваемых видов освобождения совокупность условий, при которых возможно освобождение в том или ином случае, будет разной, но они предполагают в конечном итоге то же самое основание освобождения.

В связи с развернувшейся в литературе дискуссией о том, что норма статьи 76 УК РФ не содержит самостоятельного основания освобождения, скорее, это частный случай деятельного раскаяния, наряду с проблемой сущности и содержания освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, следует проанализировать соотношение ст. ст. 76 и 75 УК РФ, другими смежными институтами и положениями. Требуют внимания и вопросы, связанные с уголовно-правовым определением, статусом и правами потерпевшего, а также содержанием понятия «примирение».

Законодательные предписания о роли потерпевшего в уголовном правоотношении, регламентация его статуса (прав, свобод и обязанностей), находятся в

прямой зависимости от того, к какому виду, публичному или частному, относится отрасль права.

Для уяснения этого вопроса – к частной или публичной относится та или иная отрасль права, используют материальный и формальный критерии. При формальном за основу берутся такие моменты как статус субъекта правоотношения, права и обязанности, возможность выбора позиции на свое усмотрение (соответственно, и варианта поведения), взаимное положение субъектов в правоотношении. Частное право представляет собой совокупность норм, регулирующих отношения равноправных субъектов, не находящихся в субординационной зависимости друг от друга. В публичных же отраслях непременный участник правоотношений – государство, обладающее властными полномочиями, но оно не выступает на равных началах с остальными участниками правоотношения.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим – новый вид освобождения в отечественном уголовном праве. Закрепление этой нормы в УК РФ – проявление того, что законодатель продолжает поиск оптимального соотношения публичных и частных начал в уголовном праве. Не являясь оптимальной, нынешняя регламентация не позволяет в максимальной мере эффективно реализовать весь потенциал уголовно-правовых норм – в данном случае за преступления, которыми причиняется вред потерпевшему. Общепризнано, что в отраслях криминального цикла недостаточно выражено частное начало, поэтому дальнейшее совершенствование уголовного законодательства происходит в русле усиления роли потерпевшего в уголовном (соответственно, и уголовно-процессуальном) праве.

В норме ст. 76 УК РФ можно выделить два условия освобождения: 1) совершенное преступление должно быть небольшой или средней тяжести, 2) оно должно быть совершено впервые, и два признака, характеризующих основание освобождения: 1) должно состояться примирение виновного с потерпевшим; 2) лицо, совершившее преступление, должно загладить вред, причиненный потерпевшему в результате совершения преступления. Орган, уполномоченный принимать решение об освобождении от уголовной ответственности, может учитывать и

другие обстоятельства (например, личностные характеристики виновного, освобожден ли он ранее от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и прочее), но все эти обстоятельства не могут иметь определяющего значения для принятия решения.

Законоположение в одном аспекте не совсем удачно: если субъективное мнение следователя или судьи в какой-то конкретной ситуации явилось причиной отказа от освобождения от уголовной ответственности, лицо лишается законного права на такое освобождение и не имеет возможности его добиться, несмотря на ходатайство потерпевшего и наличие всех условий, предусмотренных ст. 76 УК РФ. Рассматриваемый вид освобождения так же, как и предыдущий, является безусловным и окончательным, последующее поведение виновного не должно быть предметом интереса правоприменительных органов. Оно не влечет применения вместо уголовной ответственности каких-либо иных мер воздействия (правового, воспитательного, общественного характера). Освобождение по данному основанию возможно только до оглашения приговора суда первой инстанции. Если примирение состоится после этого, оно не регулируется действием данной нормы.

3. Проблемы применения и эффективности института освобождения от уголовной ответственности

3.1 Анализ недостатков и пробелов российского законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности

Для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием наряду с рассмотренными позитивными действиями необходимо и удовлетворение интересов потерпевшего, на что указывает законодатель в качестве следующего условия. Ст. 75 УК РФ содержит два признака деятельного раскаяния, характеризующих действия виновного, непосредственно направленных на соблюдение прав и удовлетворение интересов потерпевшего: возмещение причиненного преступлением ущерба или заглаживание вреда иным способом. Эти два признака законодатель, как видно, приводит вместе, используя союз «или», допуская их взаимозаменяемость. Поскольку оба признака лежат в одной плоскости, представляется целесообразным рассмотреть их вместе.

Сущность и особенности благ, которые защищаются законом, определяют и специфику их защиты, соответственно, и форма заглаживания негативных последствий преступления определяется характером причиненного вреда. Если физический или моральный вред восстановить или устранить действиями виновного невозможно (эти разновидности вреда возможно компенсировать), то вред имущественного характера возможно как компенсировать выплатой денежной суммы потерпевшему, так и загладить другими действиями (к примеру, возврат украденного имущества, ремонт поврежденного автомобиля, и др.).

Гражданско-правовой институт возмещения вреда при его использовании в сфере уголовного права приобретает определенную специфику, что, несомненно, не облегчает правоприменение в этой части, более того, не улучшает ситуацию и то, что попытки законодателя привнести в УК положения, заимствованные из гражданского права, не отличаются строгой последовательностью. Так, например,

Законом РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» в частях первой и второй ст. 104 УК РФ ранее использовавшийся термин «ущерб» заменен словом «вред», тогда как в ст. 75 УК сохраняет оба понятия: «ущерб» и «вред».

Изложенные обстоятельства определяют необходимость рассмотрения вопросов о понятии, содержании и соотношении категорий «ущерб» и «вред», имущественный и неимущественный характер вреда, материальный и нематериальный вред, физический вред и др. Требуют разрешения также вопросы о способах, объеме и пределах возмещения вреда, учете позиции потерпевшего для определения достаточности действий виновного при возмещении им ущерба или заглаживании вреда иным способом для освобождения его от уголовной ответственности, а также месте возмещения ущерба или заглаживания вреда иным способом в системе признаков деятельного раскаяния.

Анализ соотношения понятий «вред» и «ущерб» выявляет, что ущерб включен в более широкую категорию «вред». Ущерб от преступления предполагает неблагоприятные последствия, когда в результате преступления лицо лишилось благ или вынуждено понести траты именно имущественного характера. Категория «вред» охватывает негативные последствия преступления как имущественного (материального), так и неимущественного (нематериального) порядка. Буквальное толкование ч. 1 ст. 75 УК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель считает возмещение ущерба одним из видов (способов) заглаживания вреда. Такое же мнение выражено и упомянутом выше Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 (п. п. 6 и 10), и в теории.

Возмещение причиненного ущерба определяют как «добровольное восстановление, по мере возможности, тех прав и благ, которых преступник лишил свою жертву в результате совершенного им преступления», а заглаживание вреда – как

«уменьшение вредных последствий причиненного преступлением физического или морального вреда».

Формы заглаживания вреда многообразны, законодатель сформулировал редакцию ст. 75 УК РФ таким образом, чтобы охватить полный диапазон возможных позитивных действий со стороны лица, виновного в совершении преступления. В том случае, если речь идет об убытках, т. е. преступлением причинен имущественный (материальный) ущерб, возможно возвращение равноценного имущества взамен уничтоженного, присвоенного, растраченного и т. п. (также возможны возврат похищенного имущества или выдача его следственному органу), восстановление собственными силами поврежденного имущества или денежная компенсация убытков.

В случаях, когда причиняется вред неимущественного характера, имеющий, однако, вещественное содержание (например, урон экологии) помимо компенсации, на наш взгляд, возможны и различные формы заглаживания этого вреда иным способом. К примеру, возможно произвести посадку виновным устанавливаемых компетентным органом видов деревьев в нужном количестве, а также организовать производство различного рода лесных, природоохранных, сельскохозяйственных работ и пр. А возможна и компенсация расходов, производимых на такие работы, хотя они и могут быть не связаны с преступлением и его последствиями.

Если речь идет о возмещении вреда за нарушение прав, не имеющих имущественного содержания (честь, репутация, авторские права и др.), включая моральный и физический виды вреда, это возмещение может быть осуществлено также двояко – действиями виновного, удовлетворяющими потерпевшего (публичное извинение, опровержение в средствах массовой информации, обеспечение санаторного лечения и др.), или денежной компенсацией. Таким же образом возможно возмещение вреда деловой репутации потерпевшего.

Заглаживание причиненного преступлением вреда, удовлетворение потерпевшего и деятельное раскаяние в целом, согласно ст. ст. 61 и 75 УК РФ – свидетельства значительного снижения или полного отпадения общественной опасно-

сти лица, совершившего преступление. Заслуживает внимания то, что в этих нормах признаки деятельного раскаяния перечислены через запятую. Однако если в ст. 61 УК РФ любое сочетание форм деятельности, предусмотренных п. п. «и» и «к» можно трактовать как деятельное раскаяние (и обстоятельство, смягчающее наказание), то при буквальном толковании ч. 1 ст. 75 можно сделать вывод о необходимости всех предусмотренных статьей признаков. В литературе же обосновывается противоположное мнение. Анализирующие этот вопрос авторы считают, что о деятельном раскаянии лица в смысле ст. 75 УК РФ также может свидетельствовать поведение, заключающее различное сочетание признаков, установленных в данной статье, и не обязательно, чтобы вся их совокупность имела место. Так, А. Чувилев пишет: «В случаях, когда совершение того или иного из указанных в ч. 1 ст. 75 УК РФ действий не зависело от воли обвиняемого, а другие он осуществил, то вряд ли было бы верным не усматривать возможность прекращения уголовного дела в отношении его в связи с деятельным раскаянием. Например, обвиняемый оказал следователю содействие в раскрытии преступления, возместил ущерб, но не сумел явиться с повинной из-за болезни и дело было возбуждено по заявлению потерпевшего».

Явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления и возмещение ущерба заключают в себе содержание деятельного раскаяния в целом, включая и признак «заглаживание вреда от преступления». С позиции такой широкой трактовки заглаживание вреда от преступления можно интерпретировать как попытку виновного устранить, нейтрализовать или смягчить негативное действие (последствие) преступного акта. Оно включает и явку с повинной, и способствование раскрытию преступления, и возмещение причиненного преступлением ущерба, и примирение с потерпевшим, и многое другое. Это – заглаживание своей вины перед обществом, в уголовном законе ему корреспондирует институт поощрения в целом, без чего «уголовная юстиция теряет смысл, ибо не будет стимулироваться позитивное постпреступное поведение, наказание превращается в возмездие, а цель исправления становится недостижимой».

Таким образом, основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием является посткриминальное поведение виновного, заключающееся в предусмотренных в УК РФ поощряемых государством формах: явке с повинной, активном способствовании раскрытию и расследованию преступления, заглаживании вреда, причиненного преступлением, в том числе возмещении причиненного ущерба и иных альтернативных действиях, существенно снижающих степень общественной опасности личности виновного, обуславливающих целесообразность применения данной меры уголовно- правового воздействия.

Необоснованное, не вызванное необходимостью специальное указание в ст. 75 УК РФ на добровольность явки с повинной как условие освобождения следует признать неудачным с точки зрения правил юридической техники. В то же время в данную статью целесообразно включить предписание о том, что возмещение вреда является обязательным условием освобождения по данному основанию, а размер его и формы возмещения должны определяться потерпевшим.

Федеральным законом от 11 декабря 2011 г. № 420-ФЗ УК РФ был дополнен статьей 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности». В соответствии с ч. 1 этой статьи лица, если они совершили преступления, предусмотренные ст. ст. 198, 199, 199.1 УК РФ, освобождаются от уголовной ответственности, при возмещении ущерба бюджетной системе РФ. А согласно ч. 2 допускается освобождение от нее и лиц, впервые совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 171.1, ч. 1 ст. 172 и рядом других статей УК РФ, если они возместят ущерб, причиненный преступлением и перечислят в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо перечислят доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в том же размере (пятикратной суммы дохода). Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ ст. 76.1 была дополнена частью третьей, согласно которой лицо освобождается от уголовной ответственности за деяния, содержащие признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 193, ч. ч. 1 и 2, ст. 194, ст. ст. 198, 199, 199.1,

199.2 УК, если они выявлены до 1 января 2015 г. и если лицо добровольно декларировало сведения о полученных доходах. В этом случае положения ч. ч. 1 и 2 ст. 76.1 УК не применяются в части возмещения ущерба, перечисления в федеральный бюджет денежного возмещения и полученного дохода.

Введение нового основания освобождения от уголовной ответственности без учета требования системности в регламентации всех видов освобождения от нее вызвало разноречивые мнения в литературе. Уголовный кодекс РФ по содержанию и структуре выступает единым законодательным актом, взаимосвязанной системой норм, находящихся в определенной зависимости друг от друга.

В связи с этим в правилах о законодательной технике признается обязательным требованием обеспечение единообразия и общность подходов при формулировании положений закона в различных, на первый взгляд, далеких друг от друга институтах.

Специальные и общие нормативные предписания располагаются в тех или иных главах УК РФ в соответствии с особенностями регламентации того сегмента общественных отношений, на который ориентированы рассматриваемые нормы. Следовательно, специальные виды освобождения от уголовной ответственности также нельзя выделять только в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, они содержатся и в главах 11, 12, 13, 14 Общей части УК РФ и некоторых других. Особенность нормы же статьи 76.1 УК РФ состоит в том, что она выступает специальной по отношению к ст. 75 УК РФ, но относительно к примечаниям в статьях гл. 22 она выполняет роль общей нормы.

Это обстоятельство определяет ряд требований к формулированию данной статьи, следуя единой логике формирования системы видов освобождения от уголовной ответственности, первая часть данной статьи должна содержать предписание об освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в той или иной сфере. Вторая же часть должна содержать указание на то, что в отдельных случаях лицо может быть освобождено и по особым правилам – когда статья Особенной части УК РФ содержит специальное основание такого освобождения.

Наличие в УК РФ такого специального основания освобождения от уголовной ответственности, с одной стороны, воспринимают как инструмент давления на налогоплательщиков, с другой – приводят социально-правовые и юридические основания, статистические данные, обосновывающие его целесообразность. Необходимость данной нормы, как нам представляется, очевидна, поскольку наблюдается социальная потребность в этом весьма специфическом виде освобождения от уголовной ответственности – законодатель регламентирует освобождение от уголовной ответственности, охватив ранее оставленную без внимания часть правоотношений.

3.2. Рекомендации по совершенствованию норм законодательства, регулирующего правовой институт освобождения от уголовной ответственности

Уголовная ответственность, будучи репрессивным инструментом, принудительным, насильственным способом разрешения подобных ситуаций, считается нежелательным и «остаточным» средством, применяемым только в тех случаях, когда иные методы не дают должного эффекта. В делах имущественного характера центральным, ключевым звеном социально- правового взаимодействия (общественного отношения) выступает имущество, а внутренним побудительным мотивом правоотношения служит материальный (экономический) интерес сторон (субъектов правоотношения). Поэтому вполне очевидно, что добровольное исполнение имущественного обязательства (компенсация ущерба, исполнение требований кредиторов, уплата надлежащих сумм в казну и пр.) исчерпывает и сущность, и дальнейшее развитие социального конфликта, и, как следствие, основание уголовной ответственности. Данная идея красной нитью прослеживается в нормах об освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности. Именно эту особенность и должно отражать наименование статьи. Полагаем, что наименование анализируемой статьи может

быть сформулировано следующим образом – «Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным исполнением имущественных обязательств».

Анализируя законодательство и правоприменительную практику в сфере экономической деятельности, М.В. Талан отмечает, что появление новых норм в УК РФ не всегда приводит к активизации правоприменительной деятельности, нередко в силу недостаточно проработанных изменений с позиции законодательной техники. О небезупречном отношении к правилам законодательной техники, отступлении от научных основ в деятельности по формированию уголовно-правовых норм и, как следствие, негативном влиянии этого на эффективность положений уголовного закона пишут и другие авторы². К сожалению, данный вывод в полной мере относится и к рассматриваемому виду освобождения от уголовной ответственности.

В первоначальной редакции ст. 198 УК РФ содержала примечание, предусматривавшее освобождение от уголовной ответственности (это примечание обнаруживало единство с признаками деятельного раскаяния в связи требованиями возмещения ущерба и способствования раскрытию преступления), которая позже, в 2009 г. снова была восстановлена, но в иной редакции (новая редакция по содержанию близка к действующей норме ст. 76.1 УК РФ)³. В 2009 г. перечень составов, на который распространяется норма об освобождении от уголовной ответственности, расширился, охватывая ст. ст. 198, 199, 199.1 УК РФ. В 2010 г. законодатель включил в главу, предусматривающую ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, еще одно примечание – в ст. 184 УК РФ (эта норма по понятным причинам схожа с примечаниями к ст. ст. 204, 291 УК РФ)⁴. И, наконец, в 2011 г. УК РФ вышеуказанным законом был дополнен статьей 76.1. В связи с дополнением в 2013 г. УК РФ новым примечанием об освобождении от уголовной ответственности (к ст. 200.1) можно говорить об устойчивой тенденции увеличения специальных видов освобождения от уголовной ответственности.

Помимо наблюдаемой тенденции, сказанное одновременно выявляет непоследовательность законодателя в законотворческой деятельности в этой части – в результате бессистемного нагромождения разнородными по существу предписа-

ниями об освобождении от уголовной ответственности ситуация не становится ни проще, ни продуктивнее, принимаемые законоположения оказываются недостаточно продуманными и малоэффективными. Так, например, освобождение от уголовной ответственности при совершении налоговых преступлений предусмотрено ч. 1 ст. 76.1 и ст. ст. 198 и 199 УК РФ, при этом условия освобождения существенно разнятся.

Статьи 198 и 199 в своих примечаниях требуют погашения суммы недоимки, пеней и штрафов, начисляемых в соответствии с Налоговым кодексом РФ. В ст. 76.1 требование сформулировано иначе – достаточно погасить только сумму ущерба, причиненного бюджетной системе РФ.

Попытки сгладить противоречие в правоприменительной сфере ситуацию, наоборот, ухудшили. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 19 от 27 июня 2013 г. выразил позицию, согласно которой сумма ущерба, которую необходимо погасить, если лицо претендует на освобождение от уголовной ответственности по ст. 76.1 УК РФ (а именно о возмещении ущерба говорится в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ), складывается из недоимки, пеней и штрафов, предусмотренных НК РФ. Пленум, по нашему мнению, вышел за рамки своих полномочий. Вызывает несогласие, во-первых, расширительное толкование Пленумом суммы ущерба, причиненного бюджетной системе, ибо понятие «причиненный ущерб» не подразумевает пени, штрафы и пр. Во-вторых, в уголовно-правовой отрасли в целом принят подход, ориентированный на реальный ущерб и исчисление его в твердых суммах без штрафов, пеней и пр. (например, при отграничении административного правонарушения от кражи, при квалификации преступного деяния с учетом размера причиненного ущерба и пр.). В действительности налицо несоответствие норм двух статей и их конкуренция, возникшая по недоработке законодателя. Разрешена она может быть только внесением очередных изменений в УК РФ. Если строго следовать правилам разрешения конкуренции, то в период, пока действуют примечания к ст. ст. 198 и 199 УК РФ, первая часть ст. 76.1 УК РФ не может применяться. Сказанное не означает, что необходим отказ государства от пеней и штрафов, предусмотренных Налоговым кодексом РФ (а в каких-то других ситуациях –

Гражданским кодексом РФ), но это – уже сфера действия других отраслей права. В гражданско-правовом (судебном) порядке возможно взыскание всех сумм, предусмотренных действующим законодательством.

Исходя из изложенных выше соображений мы полагаем нужным исключить абзац 1 п. 14 из текста постановления Пленума Верховного Суда № 19 от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», а также примечания к ст. ст. 198 и 199 УК РФ.

Вторая часть статьи 76.1 УК РФ содержит необоснованно высокую ставку в размере шестикратного увеличения суммы причиненного ущерба: лицо в данном случае освобождается, если оно не только возместило ущерб потерпевшему (гражданину, организации, государству) или перечислило в федеральный бюджет сумму дохода, незаконно полученного в результате преступления, но и выплатило государству возмещение в пятикратном размере, исчисляя от суммы такого дохода.

Одним из вариантов определения суммы, подлежащей возмещению, представляется ее дифференциация на основе начисления процентов, принятых в налоговой и гражданско-правовой сфере – чем больше сумма причиненного преступлением ущерба, тем большим будет и размер дополнительного возмещения. А в действующей редакции недостаточно выражен стимул к поведению, влекущему освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление указанной категории. О.Г. Соловьев и А.А. Князьков приводят пример, когда лицо, преступление которого причинило ущерб примерно в 5 млн. руб., для своего освобождения становится обязанным уплатить сумму порядка 30 млн. руб., тогда как на другой чаше весов для него – наказание, которое будет либо назначено условно, либо в виде штрафа в несколько сот рублей. Развивая эту мысль, авторы пишут, что размер такого шестикратного возмещения, например, по ч. 2 ст. 193 УК РФ будет составлять сумму, превышающую 180 млн. рублей, тогда как наказание, даже если это лишение свободы – до пяти лет, и носить оно будет, по всей вероятности, условный характер, со штрафом до одного миллиона рублей. Справедливо

и замечание о том, что требование нормы об уплате в конечном счете шестикратной суммы ущерба или полученного дохода представляется и экономически, и юридически необоснованным. Вызывает вопросы и неопределенная правовая природа данного денежного обязательства, это не уголовный или административный штраф, не штрафы, пени или исчисляемые в процентах иные денежные суммы, взыскиваемые в соответствии с нормами гражданского законодательства (например, в порядке ст. 395 ГК РФ). В юридическом плане это весьма существенные нарекания – если сравнить правовое положение двух лиц, одно из которых привлечено к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 198, а второе – по ч. 1 ст. 194 УК РФ (судя по санкциям, по степени общественной опасности эти преступления вполне сопоставимы), то для освобождения от уголовной ответственности первого достаточно, как требует ч. 1 ст. 76-1 УК РФ, возместить ущерб, причиненный бюджетной системе, тогда как второму необходимо выплатить сумму ущерба и пятикратное возмещение – и это при том, что один не уплатил государству налог, другой – такую же сумму в казну, но таможенного платежа. Налицо явное нарушение принципов равенства и справедливости. Выйти из ситуации можно только согласовав положения частей первой и второй ст. 76-1 УК РФ, унифицировав условия освобождения от уголовной ответственности, поставив их в зависимость от суммы ущерба. Соответственно, вторая часть этой статьи вместо слов «в размере пятикратной суммы причиненного ущерба» и «в размере пятикратной суммы дохода» должна содержать предписание: «...и денежное возмещение в виде пеней и штрафов, начисленных на сумму причиненного преступлением ущерба или незаконного дохода, полученного в результате совершения преступления в соответствии с налоговым и гражданским законодательством Российской Федерации».

Анализируя действующее законодательство и правоприменительную практику, нельзя оставлять без внимания и иные аспекты правовой действительности, например, готовящиеся изменения в законодательство, проекты таких изменений и пр. Известно, что в настоящее время в Государственную Думу РФ внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Фе-

дерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в котором изложены другие правовые положения в ст. 76.1 УК РФ и смежные правовые нормы (УК, УПК РФ).

В новой редакции часть вторую ст. 76.1 УК РФ предлагается изложить таким образом, что помимо возмещения ущерба, причиненного преступлением гражданину, организации или государству, будет предписание о перечислении виновным в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба либо уплате суммы дохода, полученного в результате преступления и также денежного возмещения в размере двукратной суммы такого дохода, а также требуется, чтобы виновный перечислил в бюджет сумму, эквивалентную убыткам, которых удалось избежать в результате совершения преступления и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков.

Как видно, предлагается расширить диспозицию нормы, указав все возможные способы получения выгоды совершением преступления в рассматриваемой сфере, а также снизить до двукратного размера все указанные виды дополнительного возмещения.

Что касается изменения размеров возмещения, которые в новой редакции становятся в общем подсчете в два раза меньшими, ожиданий высокой эффективности рассматриваемой статьи они не повлекут. Во-первых, двукратная сумма, которую необходимо уплатить, а также основная сумма ущерба, причиненная преступлением (итого тройной размер) все же придется сравнивать с теми санкциями и ожиданиями, которые наступят в случае привлечения к уголовной ответственности, то есть с наказанием в два-три года лишения свободы, назначенным условно. В этой части уместно предложить иной подход – полное возмещение вреда и уплата в федеральный бюджет суммы, эквивалентной размеру полученной выгоды или убытков, которых избежало лицо посредством совершения преступления. Это положение соответствует гражданско-правовому подходу и одновременно оно психологически соотносимо с освобождением, что позволяет усмотреть преимущества освобождения от уголовной ответственности.

Выше уже указывалось, неопределенная правовая природа сумм возмещения, указанных в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, не позволяет их отнести к известным уголовно- и гражданско-правовым институтам, провести их системный сравнительно-правовой, исторический, социально-юридический анализ, сформировать прогноз эффективности данной нормы. Если же законодатель вводит новый вид поступления в казну денежных сумм взамен освобождения от уголовной ответственности (мы принципиальных возражений не имеем, поскольку такой метод воздействия на неустойчивых в этом плане лиц в основе своей имеет очевидную невыгодность совершения преступлений и является превентивным фактором в большей степени, чем все остальные методы воздействия). В таком случае ст. 76 УК РФ должна содержать указание практически на все составы, предусмотренные главой 22 УК РФ, или почти все преступления в сфере экономики.

Уголовно-процессуальный закон должен содержать детальную регламентацию примирения, предусматривать и посредничающие структуры, которые будут стремиться помирить стороны, а государство будет выступать только как гарант процессов мирного урегулирования. При недостижении примирения закон будет предусматривать привлечение к уголовной ответственности и соответствующее наказание. При этом государство следует признать равным с остальными участниками правоотношения и предусмотреть обязанность уголовного преследования, если потерпевший на этом настаивает – провести расследование и передать дело в суд для рассмотрения.

В этом же ключе звучит предложение О. Кривенкова и А. Суслина о том, чтобы закрепить в законе приоритет требований потерпевшего о возмещении причиненного преступлением вреда. С этой целью авторы предлагают включить в УК РФ норму, предусматривающую возможность назначения наказаний имущественного характера с учетом лишь того имущества, которое может остаться в собственности преступника после реального взыскания сумм, определенных судом в пользу потерпевшего. Авторы обоснованно считают, что решение вопроса о размере суммы, подлежащей взысканию в качестве возмещения вреда, причиненного преступлением, должно предшествовать решению вопроса о наказании. Заслужи-

вает поддержки и предложение о том, чтобы на стадии исполнения наказания в первую очередь удовлетворять имущественные требования потерпевших – физических лиц, во вторую – требования юридических лиц, и в третью очередь – государства. О чем, как представляется необходимым, следует внести соответствующие изменения в законодательство и смежных отраслей права (УИК РФ, закон «Об исполнительном производстве» и др.).

Рассмотренные выше вопросы и их анализ демонстрируют, что проблема повышения роли потерпевшего и усиления частного начала в праве в целом и уголовном праве в частности, изменение законодательной регламентации в этом русле целого ряда статей и институтов УК РФ (включая и нормы гл. 11 УК РФ) – одна из наиболее актуальных в настоящее время и в науке, и для законодателя. Указанная тенденция предполагает дальнейший поиск оптимального соотношения всех мер уголовно-правового воздействия.

Таким образом, в контексте изложенных проблем «восстановительного правосудия» и медиации в уголовном праве мы предлагаем изменить редакцию ст. 76 УК РФ, дополнить ее словами: «в размере и формах, определяемых потерпевшим», а также внести в уголовно-процессуальное законодательство изменения, предусматривающие, во-первых, обязанность разъяснения и виновному, и потерпевшему возможности прекращения уголовного преследования обвиняемого, освобождения от уголовной ответственности в связи с их примирением и условий принятия такого решения (возложить эту обязанность на орган, в производстве которого находится уголовное дело), с другой – право обжалования неправомерного отказа в освобождении от уголовной ответственности.

Заключение

В результате написания бакалаврской работы достигнута поставленная цель и решены следующие задачи.

Так, освобождение от уголовной ответственности как институт уголовного законодательства придает последнему должную гибкость, служит инструментом, позволяющим избирать в каждом конкретном случае наиболее оптимальные способы решения социальных задач, возлагаемых обществом на уголовный закон.

Обществу и государству непозволительно частое применение карательных средств в отношении собственных граждан, в связи с чем, в законодательстве находят место правоположения, предусматривающие разрешение конфликтов, в том числе уголовно-правовых, методами, не содержащими репрессивного заряда.

Выводы по работе с очевидностью подтверждают находящую все больше сторонников позицию, согласно которой применение негативных санкций не должно служить единственной формой уголовно-правового воздействия. В ближайшей перспективе для современного уголовного права одним из наиболее актуальных направлений является создание универсальной системы методов воздействия, переход от шкалы наказаний к созданию шкалы мер уголовно-правового воздействия, связанных с освобождением от уголовной ответственности и наказания, мерами поощрения и т. п.

Общим основанием для всех видов освобождения от уголовной ответственности служит целесообразность, лежащая в основе всех без исключения уголовно-правовых предписаний, относящаяся одновременно к различным сферам жизнедеятельности и соответственно заключающая в себе и социально-правовые, и формально-юридические аспекты, демонстрирующая в каждом конкретном случае возможность или необходимость избрания именно данного средства уголовно-правового воздействия (включая освобождение от уголовной ответственности).

Позитивное посткриминальное поведение как обстоятельство, влияющее на правовые последствия для виновного в преступлении лица, известно отечественному законодательству с древности – такие нормы предусматривали начиная с Русской Правды все памятники права. Действующий уголовный закон содержит два самостоятельных основания смягчения последствий совершенного преступления для виновного и даже освобождения от уголовной ответственности в связи с его позитивным посткриминальным поведением: деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим, регулирующие соответственно публично- и частно-правовые аспекты уголовных правоотношений.

Основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием выступает посткриминальное поведение виновного, заключающееся в предусмотренных в УК РФ поощряемых государством формах: явке с повинной, активном способствовании раскрытию и расследованию преступления, заглаживании вреда, причиненного преступлением, в том числе возмещении причиненного ущерба и иных альтернативных действиях, существенно снижающих степень общественной опасности виновного, обуславливающих целесообразность применения данной меры уголовно-правового воздействия.

Регламентируя правовые последствия деятельного раскаяния, законодатель допустил непоследовательность, установив требование активного способствования раскрытию и расследованию преступления в качестве смягчающего обстоятельства, но не предусмотрев признака активности в ст. 75 УК РФ. Следует устранить данное несоответствие путем указания и в ч. 1 ст. 75 УК РФ на активный характер способствования раскрытию и расследованию преступления.

Заглаживание причиненного преступлением вреда, удовлетворение потерпевшего и деятельное раскаяние в целом, согласно ст. ст. 61 и 75 УК РФ – свидетельства значительного снижения или полного отпадения общественной опасности лица, совершившего преступление. Для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием наряду с рассмотренными позитивными действиями необходимо и удовлетворение интересов потерпевшего. Приоритетным в данном случае должен быть признан интерес потерпевшего.

Предусмотренные ст. 76.1 УК РФ посткриминальные действия являются специфической разновидностью, специальной формой деятельного раскаяния, а не примирения с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности. Следовательно, необходимо внести изменение в Уголовный кодекс, переместив ее и включив эту статью под номером 75.1. Неудачно и наименование статьи. УК РФ не должен содержать процессуальные формулировки об освобождении по «делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», особенно в наименовании статьи.

Вторая часть ст. 76.1 УК РФ содержит условие для освобождения от уголовной ответственности, которое делает ее малоэффективной: виновный в данном случае освобождается, если он не только возместит ущерб потерпевшему или перечислит в федеральный бюджет сумму незаконно полученного дохода, но и выплатит государству возмещение в пятикратном размере, исчисляя ее размер от суммы такого дохода. Размер дополнительного возмещения лучше дифференцировать, связывая ее с начислением процентов – чем больше сумма незаконно полученного дохода, тем большей будет и сумма дополнительного возмещения за освобождение от уголовной ответственности.

Список используемых источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // в Собрание законодательства РФ. – 2014. - N 31. - ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. - N 25. - ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Российская газета. - N 249. – 2001.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 года № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. № 2. ст. 198.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) в ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002 – утратил силу// Свод законов РСФСР.т. 8. с. 613
6. Постановления Верховного Совета РСФСР № 1801-01 «О Концепции судебной реформы в РСФСР»// Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. N 44, ст. 1435.
7. Алексеев С.В. Уголовное право. – М.: Феникс, 2014. – 416 с.
8. Алексеев Н. С. Дальнейшее укрепление социалистической законности охрана прав граждан / Н.С. Алексеев, В. З. Лукашевич // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР: Сб. науч. тр. - М.: Госюиздат. 1959.- С. 184-211.
9. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В Г. Даев, Л. Д. Кокорев ЛПЦ. — Воронеж: Изд-во-Воронежского ун-та. 1980 -251с.
10. Брагин А.П. Российское уголовное право. – М.: Университетская книга, 2015. – 638 с.

11. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. - Омск, 2015. - С.98.
12. Вопленко Н.Н. Источники и формы права: Учебное пособие. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. - 102 с.
13. Давыдова М.Л. Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление. - М.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2014. - 224 с.
14. Есаков Г.А., Крылова Н.Е. Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. – М.: Зерцало, 2015. – 469 с.
15. Жалинский А.Э. Уголовное право зарубежных стран. Учебное пособие. – М.: Проспект, 2016. – 765 с.
16. Кочои С.М. Уголовная право. Общая и особенные части. – М.:Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2011. – 547 с.
17. Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Проспект, 2015. – 420 с.
18. Рогова Т.А., Напреенко А.А. Личность. Общество. Государство. Право: Учебное пособие. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. - 256 с.
- 19.
20. Уголовное право / отв. ред. С. Я. Казанцев, Л. Л. Кругликов – М.: Академия, 2014. – 352 с.
21. Уголовное право России в вопросах и ответах / отв. ред. В. С. Комиссаров – М.: Проспект, 2015. – 424 с.
22. Уголовное право России. Библиография 1997-2010 гг. Особенная часть / отв. ред. А. И. Чучаев, С. В. Маликов. – М.: Проспект, 2013. – 484 с.
23. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник. 3-е изд. / отв. ред. В.К. Дуюнов. – М.: РИОР, 2014. – 603 с.
24. Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. В. И. Шиян, В. Г. Гриб, И. С. Ильин. – М.: Маркет ДС, 2015. – 232 с.
25. Обзор судебной практики Рузаевского районного суда Республики Мордовия // <http://ruzaevsky.mor.sudrf.ru/> (дата последнего обращения: 04.03.18 г.)

26. Обзор судебной практики Ульяновского областного суда // <http://ulobsud.ru/> (дата последнего обращения: 04.03.18 г.)
27. Обзор судебной практики Самарского областного суда // <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата последнего обращения: 04.03.18 г.)
28. Criminal law: Textbook: 3 Vol. 1. General part / Ed. ed. A. E. Zhalinsky-M.: Gorodets, 2015. - 360 p.
29. Criminal law / resp. ed. S. ya. Kazantsev, L. L. Kruglikov-M.: Academy, 2014. - 352 p.
30. Criminal law of Russia in questions and answers / resp. red. V. S. Komissarov-M.: Prospect, 2015. - 424 p.
31. Russian criminal law. Bibliography 1997-2010. Especial part / OTV. editor A. I. Chuchaev, S. V. Malikov. – M.: Prospekt, 2013. - 484 p.
32. Russian criminal law. General and Special parts: Textbook. 3-e ed. / OTV. edited by V. K. Doynov. - M.: RIOR, 2014. - 603 p.
33. Russian criminal law. General part / ed. ed. V. I. Shiyan, V. G. Mushroom, I. S. Ilyin. – M.: Market DS, 2015. - 232 p

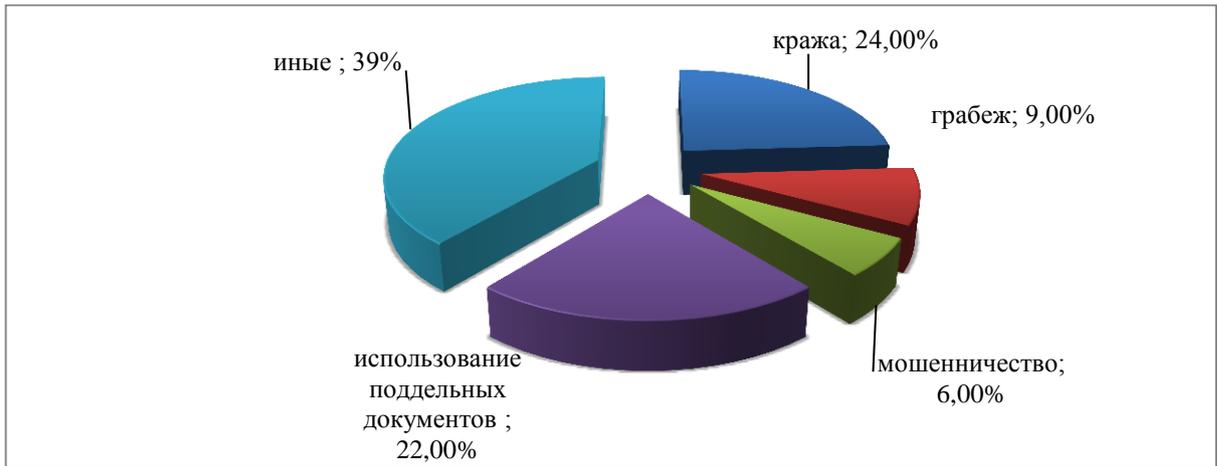

Рисунок 1 - Статистика прекращения уголовных дел Самарским областным судом по составам преступлений (2017 г.)

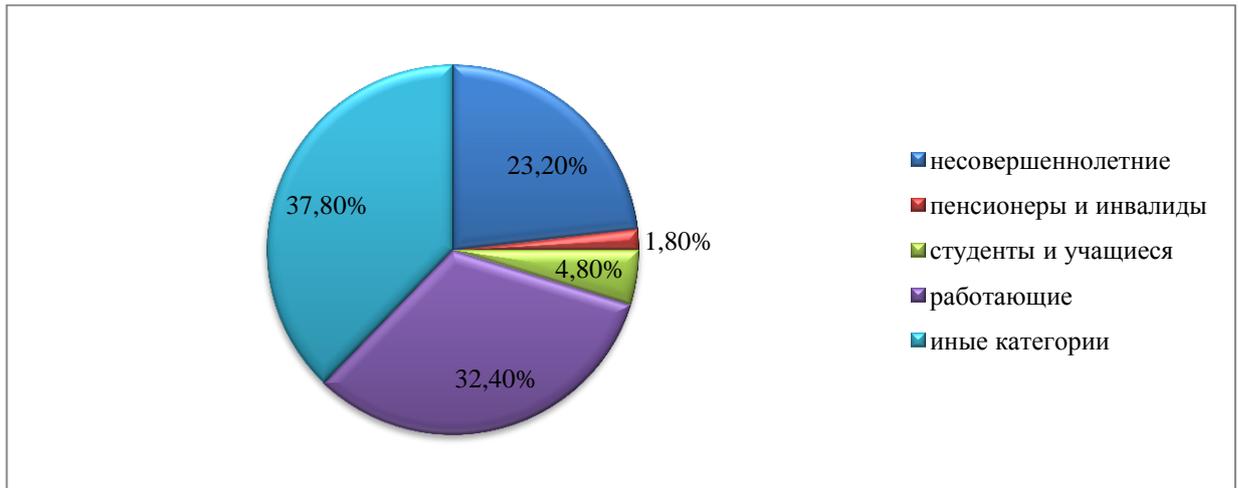

Рисунок 2 - Социальный статус лиц, в отношении которых прекращены уголовные дела в связи с примирением сторон (1 квартал 2018 года)